

ОДНАКО...

С ЧЕГО БЫ это вдруг театральные критики становились охранителями государственной казны?! Прежде, бывало, когда требовалось (по велению сердца или по заказу) уничтожить спектакль или его автора, пользовались такими испытанными приемами, как обвинения в переименовании классики, в чуждости интересам народа в лице широкого зрителя, в формализме. Не пренебрегая этой традицией, Б. Поюровский в своей статье «Островский. Чехов. Кто следующий?» («Советская культура», 29 июня с.г.) в учиненном им погроме выступает не только как наследник традиции, но и как новатор, апологет государственной, финансовой, а не идеологической пользы: рыночная экономика свое оказывает!

Статью Б. Поюровского хочется цитировать подробно, потому что лучше его не скажешь. Однако обстоятельства газеты вынуждают меня ограничиться извлечением лишь избранных мест и формулировок. Основной тезис автора — «театр — не богадельня и не собес. Он постоянно требует жертв и не только от зрителей». Это вывод из предшествующего циркуляра: «Театр, как и другие учреждения, может создаваться, если в них есть нужда. И существовать до тех пор, пока она сохраняется. А затем в этом же или соседнем здании должны появляться новые коллективы: не надо изобретать велосипед! Тем более требовать помощи для удовлетворения чьих бы то ни было амбиций». (Подчеркнуто мной. — И. М.)

Позвольте, Борис Михайлович! Чью нужду в театре вы имеете в виду? («Не ты ли ее подвесил?»). И кому должны своим появлением новые коллективы, против которых вы уже так сильно раздражены в своей статье («в наши дни создать театр — раз плюнуть», «какая разница, кого доить...», имея в виду, у кого просить помощи...)? И какая жертва от театра

вас бы устроила вполне? Голодная смерть? Самосожжение? Самороспуск?

Представляется странным и тревожным отношение к театру и культуре как носителю пользы, как к любому другому учреждению. И здесь обращение к опыту Франции и других процветающих стран, не «бросающих деньги на ветер», выглядит некомпетентным. Процветающие страны как раз и субсидируют культуру, не требуя от нее ничего взамен. Да, в разных, не обязательно централизованных формах, куда более разнообразных, чем у нас. В особенности, когда речь идет не о коммерческом искусстве. Польза, смысл — в самом существовании культуры, в естественности, а не регламентированности ее развития и всегда — в помощи культуре, если хотите, как в собесе, как в богадельне. Ибо только из множественности поисков рождаются великий результат и национальное достояние. И никому не дано решать, «кто более матери-истории ценен», тем более решать судьбу театра организационно, имея перед глазами богатый опыт закрытия и уничтожения театров, не угодных режиму и обслуживающей его официальной критике. Дико представить себе интеллигентного, застенчивого Юрия Николаевича Погребничко за таким жутким занятием, как разжигание «прожорливой гигантской топки», в которой сгорит мировая культура.

Кстати, почему радение Б. Поюровского за Культуру и целостность казны уперлось именно в Погребничко?

Погребничко. Кто следующий?

Ведь каждый, кто ходит нынче в театр, мог бы, исходя из логики Поюровского, в рассуждении о верности классике, интересах зрителей, пользе и достоинстве театра предложить обширный список претендентов на закрытие. Почему не в Марка Захарова с его весьма вольным по отношению к Островскому «Мудрецом», где к тому же герой раздевается даже и не до плавок, как Восмибратов у Погребничко? Почему не в Гончарова и вообще не во всех, кто превращает классические пьесы в мюзиклы и вводит в классический спектакль не имеющие отношения к пьесе песенки? Не в Любимова? Не в Стурца? Не говоря уже об авторах экспериментов на Западе?

Не потому ли, что Погребничко не так защищен от нападок, как выше-названные мастера? Что жизнь его театра и вправду подвешена на волоске (комсомол денег не дает, из здания гонят, вдобавок еще и недавний пожар усугубил материальное неблагополучие)? Или же критик убежден в окончательности и неоспоримости своих суждений? Но есть же и другие суждения! Ведь тот давний «Лес» («Нужна драматическая актриса») из Петропавловска-на-Камчатке потому и показали в Москве в 1988 году, что он стал лауреатом Всероссийского конкурса на лучший спектакль. А в прошлом году Погребничко получил (правда, не единодушно назначенный) приз московских критиков за спектакль «Вчера наступило внезапно». А «Чайка» пользуется большим успехом за рубежом и имеет серьезную прессу. Да и здесь у Театра на Красной Пресне есть свой верный зритель, и он преданно любим будущими театроведами — студентами ГИТИСа (сужу по курсовым работам и обсуждениям). Как, впрочем, и серьезными актерами (смотрите, например, интервью с Екатериной Васильевой в актерской газете «ДА», № 2). Что касается «Трех сестер», то в «Огоньке» Александр Минкин куда убедительнее в анализе этого спектакля, чем Борис Поюровский.

Разумеется, каждый критик имеет право высказать свое личное мнение по поводу любого спектакля. Возражения вызывают агрессивность, окрик, одергивание, заданность суждений, возвращение к «держаться и не пущать!» и «кто позволил?».

Ирина МЯГКОВА.